

ЗАХАРЧУК А.Ф.

УДК 141.7

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ ВОЗЗРЕНИЙ О. ШПЕНГЛЕРА И Ф. НИЦШЕ

В статті аналізуються теорії ієрархічного суспільства Ф. Ніцше та О. Шпенглера, як представників філософії життя – ірраціонального напрямку в некласичній західній філософії. Аналіз соціального аспекту у філософських системах цих мислителів торкається їх поглядів щодо між класових відносин у ієрархічному суспільстві та критики анти ієрархічних поглядів. Які мають відношення до теорії демократії.

В статье анализируются теории иерархического общества Ф. Ницше и О. Шпенглера, как представителей философии жизни – иррационального направления в неклассической западной философии. Анализ социального аспекта в философских системах данных мыслителей в основном затрагивает их воззрения, касающиеся межклассовых отношений в иерархическом обществе и критики антииерархических воззрений имеющих отношение к теории демократии.

The article analyzes the theory of hierarchical society of Friedrich Nietzsche and Oskar Spengler, as representatives of the philosophy of life - an irrational direction in the non-classical Western philosophy. Analysis of the social aspects in the philosophical systems of this thinkers mainly affects their views concerning interclass relationships in a hierarchical society and critics anti-hierarhic views relevant to the theory of democracy.

Ключові слова: ієрархічне суспільство, аналіз, демократія, класи, домінування, ірраціоналізм.

Ключевые слова: иерархическое общество, анализ, демократия, классы, господство, иррационализм.

Key words: hierarchical society, analysis, democracy, classes, domination, irrationality.

Актуальность анализа социальных воззрений Ф. Ницше и О. Шпенглера связана в первую очередь с их критическим осмыслением тенденций развития европейского общества в период Новейшей истории. Данные мыслители как представители философии жизни внесли ценный вклад в процесс осмысления западной философией кризисных явлений присущих современной цивилизации.

Соотнесение социальных воззрений Ницше и Шпенглера видится продуктивным и в аспекте изучения непосредственного содержания данных воззрений, которые объединены общим иррациональным подходом, но естественно имеют и отличающую их специфику, которая, в свою очередь, может быть лучше прояснена при использовании компаративного метода исследования.

Так социальный аспект воззрений Ф. Ницше затрагивается и в исследованиях многих современных украинских авторов, среди которых можно назвать таких как: Бычко А.К., Панченко В., Загурской Н.В., Емельяновой Н.Н.

Естественно, что социальный аспект воззрений О. Шпенглера также исследуется большим числом отечественных авторов, к ним относятся такие авторы как: Бредун И.В., Цимбалюк Н.М., Троельникова Л.О., Алексеенко И., Кузьменко В.П.

Целью данной статьи является: Сравнительный анализ социальных воззрений Ницше и Шпенглера, которые базируются на общих для них идеях иерархической структуры общества. Каким образом необходимость иерархического принципа связывается обоими философами с иррациональным видением природы социума и отношений в нем.

Для достижения этой цели следует решить ряд задач:

- какие социальные классы и почему должны находиться на вершине социальной пирамиды;
- каким образом аргументируется сама необходимость существования и построения иерархического общества, какова в этой аргументации роль иррациональных оснований;
- существуют ли отличия в оценках Ницше и Шпенглера ряда социальных явлений, какие именно идеи и положения учения влияют на различия в оценках тенденций в социальном процессе;
- в чем продуктивность критического осмысления Ницше и Шпенглером социальных проблем относительно современных общественных реалий.

Важную роль в социально-политических построениях Ницше и Шпенглера играют их взгляды на социальную структуру общества. Именно проблемы соотношения определенных классов общества, по мнению этих мыслителей, непосредственным образом определяют ход исторического

развития, а также многие аспекты социально-политического процесса.

Что касается оценки роли тех или иных классов в жизни общества, то следует указать на концептуальную близость и определенную преемственность взглядов Шпенглера к соответствующим взглядам Ницше. Как и Ницше, Шпенглера можно смело отнести к апологетам иерархического, элитарного общества.

В определенном смысле можно даже утверждать, что все философские построения Ницше и Шпенглера затрагивающие социально-политическую сферу призваны оправдать и доказать необходимость элитарного принципа организации общества.

Основным моментом иерархических воззрений Шпенглера на общество, как и у Ницше, является апологетика естественности разделения общества на класс господ и класс рабов. Как и Ницше, Шпенглер доказывает, что только элита обладающая определенными качествами, которые ей органически присущи, может успешно управлять обществом, государством. Жизнеспособным и полноценным, в самом широком смысле этого слова, по мнению обоих мыслителей, может быть только иерархическое общество. Разумеется, что конкретные трактовки и представления Шпенглера этих общих идей имеют существенные отличия от ницшеанских трактовок этих же идей.

Говоря о социальной структуре, Шпенглер использует термины «сословия» и «классы». То как мыслитель понимает сущность и различия между этими двумя терминами весьма существенно для понимания его иерархических воззрений.

Согласно представлениям философа общество с самого начала своей истории делится на две неравные части: Первая, лучшая его часть – это прасословия знати и духовенства, вторая часть – все остальные классы общества, главная задача которых подчиняться первому сословию.

Говоря о сословиях знати и духовенства, Шпенглер сразу же делает акцент на их принципиальном отличие от иных социальных групп. При этом корень этого отличия лежит в иррациональной сфере, которая дана свыше.

«Что лежит в основании обоих прасословий и только их одних – это идея. Благодаря ей они интенсивно ощущают свой ранг, определенный Богом и потому не подлежащий критике... Люди, принадлежащие к этим сословиям внутренне, а не только по имени, действительно представляют собой нечто иное, чем остаток: их жизнь в противоположность крестьянской и буржуазной всецело основывается на символическом достоинстве. Жизнь дается им не для того, чтобы ее проводить, но чтобы иметь смысл» [8, с. 349].

У Ницше так же прослеживается сходная мысль о принципиальном отличие класса господ от других сословий, в силу их особенного, креативного характера. Мораль господ «не требует одобрения и утверждает: «что вредно для меня, есть вредно само в себе», она осознает себя тем, кто делает вещи уважаемыми, она создает ценности» [2, с.122]. Ницше и Шпенглер явно близко понимают особую природу высших классов, на основании того, что только им доступна истина бытия или они ей сопричастны.

Итак, принцип неравенства изначален, определен самим Богом, есть избранные люди, которых Бог отметил высшим смыслом существования и остальная масса людей, не имеющих высших целей. Данная идея сама по себе может быть воспринята позитивно в том смысле, что действительно люди отличаются друг от друга, и эти всевозможные отличия могут определять жизнь человека, в том числе и его значение для социума. Однако Шпенглер говорит не просто об индивидуальных различиях людей, он их жестко увязывает с определенными социальными группами. Избранные могут реализовать свое высшее назначение только в рамках сословия знати или духовенства.

Шпенглер объясняет такое положение дел через описание различий между сословиями и классами.

«Особняком от подлинной сословной культуры стоят повсюду профессиональные классы ремесленников, чиновников, художников и рабочих (которые делаются в полном смысле слова особыми племенами)... Их выделение основано на чисто технических навыках, а значит, не на символике времени и пространства; их традиции также ограничиваются техникой, а не собственными нравами или моралью, как то сплошь и рядом присутствует в экономике или науке. Вследствие этого над ними тяготеет некая отчужденность, лишенность правил, зачастую некая подозрительность.

...Таким образом, истории сословий нет до профессиональных классов решительно никакого дела, она является отображением метафизического момента в высшем человеке. Момент этот возвышается до великой символики в различных видах вечно текущей жизни, и в этих-то видах история культур и осуществляется» [8, с. 364-365].

Как видно, сословия у Шпенглера сами по себе обладают неким метафизическим статусом, который и реализуется в высшем человеке. Классы же не обладают в силу своей направленности на производство чего-либо, неким высшим смыслом. Духовное или же материальное производство по Шпенглеру также не дает возможности сформировать классам собственную мораль и нравственность, то есть, у классов нет возможности самоидентифицироваться не по профессиональным признакам, лишенным чего-либо возвышенного.

Ницше же хотя и противопоставляет морали господ мораль рабов, так же как и Шпенглер не считает, что последняя может иметь позитивный характер. Мораль рабов у Ницше служит, собственно, антитезисом морали господ, которая истинна в любом смысле и по своему статусу конечно выше

морали рабов, примерно как понятие добра в христианстве выше понятия зла.

Мораль раба, говорит философ, «есть воля к отрицанию жизни», скрытый инстинкт уничтожения, принцип упадка, унижения, клеветы» [5, с.54].

Близость между учениями Ницше и Шпенглера прослеживается и в их взаимном стремлении обосновать свои предпочтения, в сфере социальной структуры опираясь на биологические основания.

У Ницше данная тенденция наиболее четко выражена в его концепции иерархического общества.

Необходимость построения иерархического общества у Ницше выражается через понятие эксплуатации. Данное понятие у философа носит наиболее ярко выраженную биологическую окраску.

Несправедливость, эксплуатация это первичный человеческий инстинкт, она «находится в связи с сущностью всего живого, как основная органическая функция, она есть следствие действительной воли к власти, которая именно и есть воля жизни» [3, с.381]. А раз так, то не может быть и речи об экономических, социальных, моральных оценках данного явления. Попытки устранить эксплуатацию из общественных отношений, стремление избежать насилия как следствия эксплуатации характеризуется Ницше как «воля к отрицанию жизни, принцип распада и гибели» [3, с.381].

Стремясь обосновать необходимость и естественность иерархического общества, Ницше так же часто употребляет, например термин «инстинкт»: «Есть инстинкт распознавания ранга, который более всего является признаком высокого ранга; есть наслаждение, доставляемое нюансами почитания, и оно указывает на знатное происхождение и связанные с ним привычки» [3, с.388].

«Биологическая» аргументация прослеживается и у Шпенглера в продолжении его идей относительно

сословий. Сословия основаны не на профессиональной основе, они, по мнению Шпенглера, органически произрастают «от земли», связаны с нею примерно также как крестьяне. «Знать и духовенство поначалу вырастают посреди сельской местности» [8, с. 363]. «Духовенство микроскопично и животно, знать космична и растительна – отсюда ее глубокая связь с землей» [8, с. 359]. Этот естественный характер сословий, их близость к животным и растительным формам автоматически снимают возможные внутренние противоречия. Биологический характер сословий лучше всякого разума позволяет их представителям ориентироваться в окружающей действительности.

По большому счету идея Шпенглера об исключительности сословий сводится к двум моментам: 1. Сословия метафизичны по своей природе. 2. Метафизическая сущность сословий возможна, потому что они являются естественными образованиями, проистекают из самой природы, самой жизни.

В то же время следует указать и на некоторые возможные разночтения биологического аспекта у Ницше и Шпенглера. Так А. Н. Мочкин отмечает: «В отличие от А. Шопенгауэра, у которого аргументация носила подчеркнута биологический характер, делающий его консерватизм как бы исходящим из природно-биологической сущности рода Человек, консерватизм Ф. Ницше – это прежде всего «эстетизм», исторический редукционизм, хотя и биологии все же отводится большое место. И если А. Шопенгауэр только мечтал о реализации платоновской республики как своеобразной аристократической, евгеническим выведенной «касте деспотов», то Ф. Ницше прямо указывает: «рабство принадлежит к сущности культуры» [1, с.157 – 158].

В свете анализа Шпенглером сущности сословий следует также обратить внимание на различия, которые философ делает между сословием знати и сословием духовенства.

«Знать всех ранних времен была сословием в изначальнейшем смысле, воплощенной историей, расой в высшей ее потенции. Духовенство выступает рядом с ней как противословие, говорящее «нет» во всех тех случаях, когда знать говорила «да», и тем самым посредством великого символа оно выявляло иную сторону жизни» [8, с.376].

Хотя знать и духовенство – это «разные стороны одной медали», первая, в силу своего креативного характера, обладает все же более высоким статусом. Духовенство, как явственно видно, у Шпенглера явно не самодостаточно, условием его существования является наличие знати, которую духовенство отражает с точностью наоборот.

Оценку Ницше религии можно вкратце сформулировать в виде следующего тезиса: религия является негативным явлением, так как служит интересам большинства и насаждает мораль слабых, которая угнетает естественные проявления силы и волю к власти – основные законы жизни.

Для Ницше в этом вопросе ключевым моментом является то, что религия проявляет себя как явление, помогающее государству насадить в обществе массовый тип человека, вредный для истинной цели общества – появления сверхчеловека. Религия необходимо такому государству, которое является опекуном «несовершеннолетней толпы» [7, с. 444].

По сути, из оценок соотношения государства и религии у Ницше можно сделать вывод об их своеобразном симбиозе, который со стороны религии, духовенства призван обеспечить государству легитимный характер: «Без содействия духовенства еще и теперь никакая власть не может стать «легитимной». Таким образом, абсолютное опекающее правительство и тщательное сохранение религии необходимо идут рука об руку» [7, с.444]. «Интерес опекающего правительства и интерес религии идут рука об руку, так что, когда начинает отмирать последняя,

потрясается и основа государства. Вера в божественный порядок политических дел, в таинство, которым овеяно существование государства, имеет религиозное происхождение; если религия исчезнет, то государство неизбежно потеряет свое покрывало Изиды и не будет возбуждать благоговения» [7, с.446].

Таким образом, необходимым условием сохранения государства является религиозная вера именно в своем первичном, сакральном значении. Когда в народе разрушается религиозная вера, разрушается и государство.

Поэтому государство и церковь у Ницше выступают как единое понятие, он подчеркивает их общий негативный характер: «Церковь – это род государства, и при том самый лживый» [6, с. 116].

В иерархических теориях Ницше и Шпенглера немалое внимание уделяется критическому анализу концепций, которые отстаивают интересы большинства.

У обоих философов данная критика направлена в первую очередь на концепцию демократии.

Критику демократии Шпенглер начинает с дальних подступов. Он начинает критическое рассмотрение этой проблемы с анализа «третьего сословия» - буржуазии, возникновение которой знаменует собой начало исторического регресса.

Именно буржуазия, по мнению Шпенглера, является той главной силой, которая оттесняет от управления государством знать и духовенство, и в дальнейшем своей деятельностью подготавливает государство и общество к их неизбежной стогниции и гибели в форме цивилизации.

Шпенглер, констатируя имевшее место в истории борьбу буржуазии со знатью и духовенством за политическую власть, причины этой борьбы видит в абсолютно иррациональных, субъективных моментах. Причиной данного социального конфликта мыслитель называет «отсутствие понимания древних символов, на место которых теперь

заступают вполне очевидные интересы, пускай то будут всего только пожелания воодушевленных мыслителей увидеть свои представления реализованными» [8, с. 422].

Признавая наличие в среде буржуазии очевидных интересов, Шпенглер все же считает, что катализатором данного социального конфликта выступают вовсе не они, а отсутствие у буржуазии должного понимания древних символов (данное «понимание» конечно же, не относится к рациональной сфере). Может быть, у буржуазии и присутствуют определенные экономические, политические и иные интересы, однако они, видимо, даже не вторичны, а третичные. Первое место. Как уже отмечалось, Шпенглер отдает пониманию древних символов, второе – «пожелания воодушевленных мыслителей увидеть свои представления реализованными», и уж в самом конце все прочее, куда видимо входят и объективные интересы буржуазии.

Эту «иерархию» причин Шпенглер обосновывает исходя из своей основной предпосылки о примате иррационального над рациональным. Философ связывает процесс возвышения «третьего сословия», который губит государство и культуру с рационализацией общественного сознания. Торжество рационализма в политической сфере приводит к тому, что «ценностью обладает лишь то, что в состоянии оправдаться перед разумом; однако, лишенная величия, насквозь символической и именно в силу этого метафизически действенной формы, национальная жизнь утрачивает силу, необходимую для того, чтобы самоутвердиться посреди исторических потоков существования» [8, с. 422].

Если мир по своей сущности иррационален, то он, естественно, должен управляться иррациональными законами. Поэтому Шпенглер в контексте своих взглядов вполне логично считает объективные факторы и разум, могущий их

познать не только чем-то незначительным, но и просто вредным, уводящим от истины.

Неслучайно поэтому, что все представления о государстве, обществе, мире, которые противостоят убеждениям Шпенглера, последний стремится увязать с рационализмом. Рационализм же, как не отражающий законы действительности в глазах Шпенглера полностью дискредитирует и делает нежизнеспособной любую теорию, любую политическую систему.

Буржуазия как прагматичное, рациональное образование кроме всего прочего не может нести в себе некий высший смысл, который соответствовал бы метафизической сущности бытия, и обеспечивал жизнеспособность данного социального слоя. «Единство ее (буржуазии) чисто негативно, то есть реально существует лишь в моменты сопротивления чему-то иному, но всегда в тех случаях, когда необходимо выстроить что-то свое, интересы отдельных групп далеко расходятся друг от друга» [8, с.423]. «Не будет здесь и собственных нравов и символики, ибо благородное буржуазное общество походит на знать, а также имеет многое от городского благочестия раннего христианства» [8, с.373]. Знать же и духовенство, как известно, не противоречивы внутри себя, как в биологическом организме не противоречат друг другу отдельные органы. Естественность знати и духовенства находится в гармонии с метафизическими законами бытия, и эта гармония предполагает возможность созидания собственного благочестия, нравов и символики.

Если говорить о негативных моментах в трактовке демократии у Ницше, можно сослаться на слова А. Н. Мочкина, который писал, что Ницше, «являясь оппонентом либеральной демократии своего времени, и само движение либерализма XIX века определял как форму «нигилизма» и «декаданса», восходящую по своим философским корням к более чем

двухтысячелетней истории европейской культуры, европейского рационализма и христианского монотеизма» [1, с.167].

Но как к временному явлению жизни современного общества Ницше относится к демократии благосклонно. Главную положительную роль демократии философ видит в ее призвании оберегать и сохранять культуру, а так же в том, что она является фундаментом для будущего, которое современными адептами демократии еще не осознается. «По-видимому, демократизация Европы есть одно из звеньев цепи, громадных предупредительных мероприятий, которыми заняты умы нового времени и которыми мы отделяемся от средних веков. Мы переживаем теперь период циклопических построек; производится окончательное укрепление фундамента, чтобы будущее могло безопасно возводить на нем какое угодно здание, воздвигаются каменные плотины и оплоты, для защиты от варваров, от зараз, от лесного и умственного порабощения, так как невозможно допустить, чтобы нивы культуры были опустошены за ночь внезапно хлынувшими бурными горными потоками. И все это еще понимается пока в буквальном, грубоватом смысле, но потом будет мало-помалу пониматься в более высоком и духовном» [4, с.374].

О характере демократии, ее неизбежной трансформации в диктатуру и тиранию в целом

Демократия для Ницше ценна не с точки зрения проповедуемых ею ценностей, а как предпосылка для складывания нового «сверхнационального и кочевого вида человека», который в силу своих определенных черт, что сформировались в условиях демократии, «подготовлен к рабству» и станет средой для появления сильных людей, тиранов.

«Демократизация Европы клонится к нарождению типа, подготовленного к рабству в самом тонком смысле слова: сильный человек в отдельных и исключительных случаях должен

становиться сильнее и богаче, чем он, может быть, был когда-либо до сих пор, – благодаря отсутствию влияния предрассудков на его воспитание, благодаря огромному разнообразию упражнений, искусств и притворств» [3, с.362]. Видно, что демократия, по мнению Ницше, движется к своей противоположности – тирании меньшинства, как к итогу антропологических изменений человека, что вызваны демократией.

При этом, например Шпенглер, считает тиранию формой деградации и однозначно негативным явлением, в то время как сам Ницше к тирании более благосклонен, что объясняется через его концепцию сверхчеловека.

Совершенно ясно, что итогом всей этой «подготовки», главным итогом будет появление того же сверхчеловека. Именно через идею сверхчеловека можно наиболее адекватно понять, почему демократия для Ницше не является абсолютным злом. Если демократия, пусть и опосредованно, но все же помогает становлению сверхчеловека, в любом случае, она принципиально не противостоит этой идее, значит она приемлема, ибо цель оправдывает средства.

Интересно, что, например, в социально-политической концепции О. Шпенглера, который точно также оценивал демократию как временное, подготавливающее тиранию явление – «Это нечто абсолютно бесформенное, с ненавистью преследующее любого рода форму, все различия в ранге, всякое упорядоченное владение, упорядоченное знание» [8, с.377].

Демократия предстает как однозначно негативное явление, именно потому, что за ней не стоит ничего, никакой конечной цели (которой у Шпенглера в социально-политической концепции просто нет). Из-за этого демократия понималась Шпенглером просто как форма отмирания аристократии, она олицетворяет переход культуры в цивилизацию. «Ни одна из бесчисленных революций, которые все в большей степени оборачивались слепыми взрывами

беспочвенных масс крупных городов, не достигла, да и не могла достигнуть хоть какой-нибудь цели. Историческим фактом остается лишь ускоренный демонтаж восходящих к седой древности форм, расчищающих дорогу цезарианским силам» [8, с.446]. «Аристократична совершенная культура, демократична начинающаяся цивилизация мировых столиц, пока противоположность между ними не оказывается снятой в цезаризме» [8, с.477].

Главный упрек Шпенглера буржуазии – это то, что она расчищает дорогу не иерархическим формам управления, в которых торжествует принцип массовости гибельный для культуры. «Это нечто абсолютно бесформенное, с ненавистью преследующее любого рода форму, все различия в ранге, всякое упорядоченное владение, упорядоченное знание... Масса – это конец, радикальное ничто» [8, с.377]. Принцип массовости – вот, по мнению Шпенглера, абсолютное зло. Масса – это главный атрибут цивилизации, которую философ противопоставлял культуре как полный упадок и деградацию «истинной жизни», как конец истории.

Подводя итог данному рассмотрению, можно сделать следующие выводы:

Ницше и Шпенглер сходным образом оценивают необходимость существования в обществе иерархической модели. Основным аргументом в ее пользу у обоих философов выступает представление о естественности принципа иерархии, его аутентичности жизни как таковой. Данная естественность может быть также понята как имеющая иррационалистический характер. И Ницше и Шпенглер подчеркивают, что высшие классы получают санкцию на господство именно потому, что их природа лежит не в рациональной, а в иррациональной плоскости.

Отличительным моментом в понимании структуры высшего класса является различная интерпретация у Ницше и Шпенглера роли духовенства в обществе. Если Шпенглер относит духовенство к

истинной элите, то Ницше жестко отделяет духовенство от истинного класса господ, считая, что существование религии целиком обусловлено наличием низших классов.

Таким же образом, имеют место некоторые расхождения между Ницше и Шпенглером в их оценках роли демократии. Оба мыслителя относят демократию к неистинным формам общественного устройства. Однако, если Шпенглер категоричен в ее неприятии, то Ницше находит в ней определенный позитивный смысл, который в его воззрениях связан с идеей сверхчеловека, появлению которого на определенном этапе может способствовать и демократия.

В целом же критика Ницше и Шпенглера социального процесса, особенно в культурном контексте, по новому реализовала критическую тенденцию в западной философии. Критический подход в период Новейшего времени наиболее полно выразился в концепции кризиса современной цивилизации, чему способствовали и идеи данных философов.

Библиографические ссылки:

1. Мочкин А.Н. Метаморфозы консерватизма в философии А. Шопенгауэра и Ф. Ницше // От абсолюта свободы к романтике равенства: (Из истории политической философии). – М.: РАН. Институт философии, 1994. – С. 146 – 168.
2. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей: Пер. с нем. – М.: Московский рабочий, 1991. – 286 с.
3. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Сочинения: Пер. с нем. – В 2 т. / Мысль. – М., 1990. – Т. 2 – С. 238 – 406.
4. Ницше Ф. Странник и его тень. // Ницше Ф. Избр. произведения: В 3 т.: Пер. с нем. / REFL – book. – М., 1994. – Т. 2: Странник и его тень. Смешанные мнения и изречения. – С. 270 – 399.
5. Ницше Ф. Рождение трагедии, или эллинизм и пессимизм опыт самокритики 1869 – 1871: Пер. с нем. – В 2 т. / Мысль. – М., 1990. – Т. 1 – С. 47 – 157.
6. Ницше Ф. Так говорил Заратустра: Пер. с нем. – М.: Издательство Московского университета, 1990. – 302 с.
7. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // Ницше Ф. Сочинения: Пер. с нем. – В 2 т. / Мысль. – М., 1990. – Т. 1 – С. 231 – 490.
8. Шпенглер О. Закат Европы. В 2 т. / Мысль. – М., 1998. – Т.2: Всемирно-исторические перспективы. – 607 с.